

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.29>

Киндт Ольга Викторовна, Крылова Ирина Александровна

ЗАЛОГ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА И ЕГО СУДЬБА В АНГЛО-ПИДЖИНАХ И КРЕОЛЯХ

Данная статья рассматривает различные современные подходы к трактовке категории залога глагола в английском языке и преобразованию этого грамматического явления в языке-источнике в процессе возникновения и развития новых контактных языков на примере англо-пиджинов и креолей. Анализ выполнен на материале креолей крио, ток-писин, Криол, тринидадского и ямайского креолей. На основе изучения процессов формирования новой грамматической системы креолей установлена тенденция распада глагольной парадигмы языка-источника, полного отказа от употребления пассивного залога и схожести общеструктурного процесса развития языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 332-336. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**ASSIMILATION OF THE LOANWORD “HELLBOY” WITH THE GENDER COMPONENT “BOY”
IN THE ORAL-SPONTANEOUS RUSSIAN DISCOURSE OF THE RUSSIAN BILINGUALS**

Karaulova Amina Danilovna, Ph. D. in Philology
Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering
todayenglish@mail.ru

The article is devoted to studying the English loanword “hellboy” and its assimilation in the Russian speech, the comparative aspect of the loanword usage in the oral spontaneous discourse of monolinguals and bilinguals, changes in the original semantic field of this loanword in the Russian-speaking bilingual community. Particular attention is paid to the cross-cultural study of differences in this loanword use depending on such factors as age, the knowledge of English, gender, the sphere of habitual communication.

Key words and phrases: gender component; English loanword; assimilation; Russian speech; comparative analysis; monolinguals; bilinguals.

УДК 811.111.8

Дата поступления рукописи: 08.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.29>

Данная статья рассматривает различные современные подходы к трактовке категории залога глагола в английском языке и преобразованию этого грамматического явления в языке-источнике в процессе возникновения и развития новых контактных языков на примере англо-пиджинов и креолей. Анализ выполнен на материале креолей крио, ток-писин, Криол, тринидадского и ямайского креолей. На основе изучения процессов формирования новой грамматической системы креолей установлена тенденция распада глагольной парадигмы языка-источника, полного отказа от употребления пассивного залога и схожести общеструктурного процесса развития языков.

Ключевые слова и фразы: категория залога; лингвистическая синергетика; язык-лексификатор; пиджин; креольский язык; активная конструкция; пассивная конструкция; медиальная конструкция.

Киндт Ольга Викторовна, к. филол. н.

Крылова Ирина Александровна, к. филол. н.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
helgakindt@mail.ru; irenesmith@yandex.ru

ЗАЛОГ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА И ЕГО СУДЬБА В АНГЛО-ПИДЖИНАХ И КРЕОЛЯХ

В современных исследованиях залога отмечается, что данная грамматическая категория является одной из разновидностей внутриязыкового варьирования содержания, которое напрямую не связано с фактами внеязыковой действительности. Одни залоговые конструкции демонстрируют более сильное варьирование смысла, другие – незначительное [8]. В этой связи представляется интересным проанализировать судьбу английского залога в англо-креолях и посмотреть, подверглась ли изменениям категория залога в этих языках и есть ли схожие процессы, связанные с залоговыми формами в английском языке и англо-креолях. Такое исследование может выявить и систематизировать сходство процессов общелингвистического развития языков, представляющее большой теоретический интерес, чем и обусловлена актуальность выбранной темы.

Научная новизна работы заключается в том, что описана специфика развития залоговой категории языка-источника в англо-креолях, находящихся в удаленных друг от друга районах и развивавшихся независимо друг от друга.

Задачами данной статьи являются: 1) систематизировать данные английского залога и описать разницу между активными и пассивными конструкциями в свете современного подхода к описанию залоговых форм; 2) выявить структурные и семантические особенности английских пассивных конструкций; 3) систематизировать и охарактеризовать разные подходы в описании английских медиальных конструкций; 4) проследить состояние рассматриваемого грамматического явления в сформировавшихся относительно недавно новых лингвистических образованиях.

В лингвистической литературе отмечается, что глагольная категория залога показывает направление действия между участниками ситуации, представленной в синтаксической конструкции. При образовании залоговых форм задействуются три языковых уровня – семантический, синтаксический и морфологический. Такое понимание залога было предложено А. А. Холодовичем, а теория диатез и залогов данного автора является теоретической основой описания залоговых конструкций в современных исследованиях. В контексте рассматриваемой теории под залогом понимается маркировка в глаголе соответствия между участниками ситуации глубинного уровня предложения и членами предложения. Другими словами, «залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза» [15, с. 284]. Исходя из этого, делается вывод о том, что в английском языке есть две залоговые конструкции – пассивная и активная.

Таким образом, категория залога в английском языке представлена бинарной привативной оппозицией глагольных форм пассивного и активного глагола. Пассивная глагольная форма, маркированная прерывистой морфемой, является сильным членом оппозиции. Пассивная форма как сильный член оппозиции выражает направленность действия на участника ситуации в позиции подлежащего и имеет более четкую и яркую семантику.

В литературе вопроса отмечается, что разница между пассивной и активной конструкциями заключается в том, что агенс, занимающий позицию субъекта в активной диатезе, переходит на периферийную синтаксическую позицию дополнения или не получает синтаксического выражения.

Тот факт, что пассивная конструкция имеет четкую семантику, и то, что нередко в конструкции остается всего лишь один актант, занимающий позицию подлежащего, вопрос в значительной степени ограничивается семантическим характером этого актанта [7]. В этом отношении обычно говорится, что позиция подлежащего в пассивной конструкции занята семантическим объектом [1; 3; 11]. Однако особенность английского пассивного залога проявляется и в том, что у глагола с двумя дополнениями не только прямое, но и косвенное дополнение может быть подлежащим в пассивной конструкции: *An apple was given to Mary / Mary was given an apple* [28, p. 55]. / *Яблоко было дано Мэри / Мэри дали яблоко* (здесь и далее подстрочный перевод авторов статьи. – О. К., И. К.).

Другая особенность английских пассивных конструкций заключается в том, что в качестве подлежащего может быть не только участник ситуации, который выполняет функцию претерпевающего в конструкции, но и локатив. Иллюстрацией этого положения может служить пассивная английская конструкция: *The bed had not been slept in* [23, p. 123]. / *В этой постели не спали*.

В современных исследованиях английского залога признается существование и другой залоговой конструкции, а именно – медиальной, которая представляет собой грамматическую конструкцию, состоящую из переходного глагола, который реализуется в конструкции как непереходный, и неактивного, неодушевленного предмета в позиции подлежащего. Грамматическая форма глагола в медиальной конструкции определяется как непассивная [3; 25; 26]: *This skirt washes well*. / *Эта юбка хорошо стирается*. Другими словами, форму глагола в медиальной конструкции можно описать как активную.

Эта грамматическая структура развилась с начала ранненовоанглийского периода [17]. Нет единого мнения относительно того, имеем ли мы дело с залогом или диатезой. Под диатезой понимается схема соответствия между единицами глубинного уровня предложения и единицами поверхностно-синтаксического уровня без маркировки этого соответствия в глаголе специальными грамматическими формантами [15]. Таким образом, согласно данной теории, по нашему мнению, медиальная конструкция является диатезой активного залога, так как форма глагола в такой конструкции является активной. Однако в литературе вопроса нет единого мнения относительно статуса медиальной конструкции, которая получает разные интерпретации и названия: инактивная [16], медио-пассивная [19], медиальная форма [20], пациенсно-подлежащая конструкция [26], среднезалоговая [5; 9].

Есть четыре подхода к решению этого спорного вопроса. Первое решение лежит в плоскости лексикологии, которое заключается в том, чтобы разграничить переходные и непереходные значения одного и того же глагола, считая их омонимами [2; 18].

Вторая точка зрения сводится к тому, что медиальная конструкция – это диатеза пассивного залога. Сторонники данного подхода объясняют это решение схожестью семантики медиальной и пассивной конструкций.

Другие исследователи рассматривают медиальную конструкцию как одно из проявлений активного залога [3; 14; 25; 26].

В лингвистике высказывается другая точка зрения, согласно которой медиальные конструкции должны рассматриваться как самостоятельный залог. Однако и здесь есть различия. Х. Поутсма связывает это явление со средним или возвратным залогом, отмечая близость значения залога, выраженного в таких предложениях, к пассивному значению [27]. М. Грэди предлагает отнести медиальную структуру к медио-пассивному залогоу [19].

И. Б. Долинина связывает эту конструкцию со средним залогом [5]. Такой подход относит нас к интерпретациям залоговых форм индоевропейского медиума, в частности древнегреческому языку.

В древнегреческом языке категория залога была представлена тремя залоговыми конструкциями – активной, пассивной и медиальной [10]. Причем на ранних этапах развития древнегреческого языка категория залога была представлена двумя формами залога – активным и медиумом. Медиум употреблялся, когда действие было выполнено субъектом в его пользу или по отношению к самому себе, мог иметь значения, входящие к современному английскому пассиву или возвратной конструкции [13]. Глагольная же форма могла быть переходной или непереходной [4].

Следует отметить, что оппозиция «медиум – актив» в древнегреческом языке основана на противопоставлении разных типов субъектно-предикативной связи [Там же]. В свою очередь, интранзитивность в медиуме фокусируется на процессе и его субъекте (носителе).

И. Гонда предлагает в качестве основной характеристики этих форм обозначение события, процесса, который происходит у субъекта или по отношению к субъекту [Там же]. Следует отметить, что «субъективная соотнесенность», «заинтересованность» не обязательно подразумевают бездействие носителя признака. Субъект при формах медиума может быть интерпретирован как «агентивный» или «не-агентивный» в зависимости от контекста или значения глагола.

Пассивный залог появился в языке позже, как и во всех индоевропейских языках [Там же].

В рамках залогово-диатезной теории отстаивается точка зрения о существовании среднего залога в современном английском языке. Сторонники данного подхода обосновывают свое решение тем, что достаточно

много глаголов в английском языке, способных реализовывать как переходное значение, так и непереходное. Модель построения медиальной конструкции является продуктивной, и она имеет ряд пресуппозиционных значений, таких, как «направленность действия на себя», «процессность», «способность лица участвовать в действии» [5, с. 35].

Что касается трактовки глаголов в рамках данного подхода, то считается, что значения глаголов в медиальных конструкциях претерпевают ряд семантических сдвигов. В ряде случаев, по мнению авторов, мы имеем дело с новой лексемой. Такой сдвиг, например, наблюдается у такого глагола, как *to dry* (1) *dry* (сушить) и 2) *dry* (сохнуть): *She dried the blouse.* / Она высушила блузку. – *The blouse dried.* / Блузка высохла [28, р. 53]. Утверждается, что в результате сдвига значения образуются две омонимичные лексемы. В этом случае считается, что медиальная конструкция *The blouse dried.* / Блузка высохла описывает ситуацию, при которой действие возможно и без вмешательства агенса – одежда может высохнуть сама по себе.

Второй тип семантического сдвига глагола проявляется в оппозиции активный залог – средний залог: *She is cooking vegetables.* / Она готовит овощи – *The vegetables are cooking.* / Овощи готовятся [Ibidem]. И. Б. Долинина отмечает, что активная и среднезалоговая конструкции описывают одну и ту же ситуацию. В медиальной конструкции в качестве подлежащего выступает предмет, а это уже говорит о сдвиге диатезы, так как действие, обозначаемое глаголом и в активной, и в медиальной конструкциях, невозможно без участия агенса [5].

По мнению автора, есть и глаголы третьего типа, которые занимают промежуточное место между семантическим сдвигом в значении лексемы и сдвиге диатезы. К таким глаголам, например, относится *to break* (ломать): *I broke the vase.* / Я разбил вазу. – *The vase broke.* / Ваза разбилась [28, р. 53]. Двойственный характер таких глаголов заключается в том, что, с одной стороны, действие в медиальной конструкции *The vase broke.* / Ваза разбилась происходит как бы само по себе. Такое восприятие действия возможно благодаря значению глагола и особенностям объекта, который не только подвергается действию в активной конструкции *I broke the vase.* / Я разбил вазу, но и сам является носителем определенного состояния [Ibidem]. Эти особенности объекта дают возможность устранить агенса из ситуации, описываемой в предложении.

Интересно отметить, что средний залог есть также и в креолях, что является доказательством схожести процессов общелингвистического развития языков. В этом отношении представляется уместным проследить судьбу английского залога в ходе формирования нового лингвистического объекта – пиджина, а затем креольского языка. С точки зрения синергетического подхода к интерпретации языковых явлений язык представляет собой сложную систему, подверженную постоянному внешнему влиянию, в результате чего эта сложная структура постоянно развивается, и не всегда можно предсказать ее дальнейшую эволюцию [12].

В случае трансформации пиджинов в креоли в английском языке, который является их языком-лексификатором, происходят глубинные процессы, которые сначала вызывают его деформацию, а затем рождение и формирование новой лингвистической системы. Исследователям предоставляется возможность проследить изменения, происходящие на всех уровнях языковой системы, включая глагольные категории.

Во время пиджинизации-креолизации глагол в большинстве рассмотренных англо-креолей теряет грамматическую категорию пассивного залога. В креоле крио пассивная структура обычно заменяется активной залоговой структурой, например, ср.: *Pipul na makit bin sel res* ‘англ. People **sold** rice in the market’. / Люди продавали рис на рынке и *Res bin sel bai pipul na makit* ‘англ. Rice **was sold** by people in the market’. / Рис продавался людьми на рынке [6, с. 63-64].

В ямайском креоле отсутствуют морфологические индикаторы пассивного залога, имеющиеся в его языке-лексификаторе, ср.: *Im put di buk pan di tebl* ‘англ. He **put** the book on the table’. / Он положил книгу на стол и *Di buk put pan di tebl* ‘англ. The book **was put** on the table’ [24, р. 260]. / Книга была положена на стол. Значение второго предложения является пассивным, несмотря на отсутствие морфологически маркированного пассива, ср.: *Dem plaan di trii* ‘англ. They **planted** the tree’. / Они посадили дерево и *Di trii plaan* ‘англ. The tree **has been planted**’ [29, р. 60]. / Дерево было посажено.

Тринидадский английский креоль подобным же образом не имеет особых грамматических средств для выражения пассивного значения, ср.: *De fish ketch* ‘англ. The fish **was caught**’ [30, р. 151]. / Рыба была поймана.

Австралийский креоль Криол образует пассивные конструкции путем комбинирования грамматического форманта *git* ‘англ. get’ (получать) с формой соответствующего смыслового глагола, ср.: *Sambadi bin get meda* ‘англ. Somebody **got murdered**’. / Кого-то убили; *Thet min yu bin get ben* ‘англ. That means you **got burned**’ [22, р. 105]. / Это значит, что ты сгорел.

Потеря пассивного залога в креольских языках свидетельствует о его более позднем появлении в общем лингвистическом развитии, скорее всего, связанном с развитием письменности и науки.

В ток-писине есть способ выразить транзитивность глагола с помощью суффикса *-im* < англ. him (его, ему): *Mi pren i brukim botol* ‘англ. My friend broke the bottle’. / Мой друг разбил бутылку [6, с. 65].

Отсутствие суффикса *-im* в глаголах с транзитивным значением обычно указывает на то, что они имеют пассивное значение, например: *Botol i bruk long mi pren* ‘англ. The bottle was broken by my friend’. / Бутылка была разбита моим другом [Там же].

При условии, что указанное дополнение игнорируется, переходные глаголы без суффикса *-im* приобретают возвратное значение, указывающее на наличие среднего залога: *Botol i bruk* ‘англ. The bottle broke’. / Бутылка разбилась [Там же].

У креоля ток-писин нет какой-либо конкретной формы среднего залога, она совпадает с пассивной формой, что может рассматриваться как доказательство сходства процессов общелингвистического развития

языков и дает еще одну причину сомневаться в возможности выделения медиальных конструкций в отдельный залог. Скорее всего, медиальные конструкции являются еще одной реализацией активного залога.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что разница между английской пассивной и активной конструкциями заключается в том, что агенс, занимающий позицию подлежащего в активной конструкции, переходит на периферийную синтаксическую позицию дополнения или не имеет выражения на поверхностно-синтаксическом уровне предложения. Позицию подлежащего в пассивной конструкции может занимать не только семантический объект, но и локатив, что является отличительной чертой английского пассива. Анализ литературы вопроса выявил четыре интерпретации в определении залогового статуса медиальной конструкции: 1) в английском языке нет медиальных конструкций, а есть глаголы-омонимы, один из которых имеет переходное значение, а другой – непереходное; 2) медиальная конструкция – это диатеза пассивного залога; 3) медиальная конструкция – это диатеза активного залога; 4) в английском языке есть три залога – активный, пассивный и средний.

В креольских языках четко прослеживаются три варианта восстановления разрушенной категории пассива. Во-первых, наблюдается полная потеря пассивного залога, когда пассивный смысл передается ситуативно при помощи глаголов в активном залоге (например, креоль крио, ямайский креоль, тринидадский английский креоль). Во-вторых, возможно появление грамматического форманта пассива и его сочетание с глаголом, выражающим основное значение (например, австралийский креоль Криол). Третий вариант формирования новой глагольной аспектуальности предполагает наличие грамматического суффикса глагола, передающего переходное значение. Выбор нулевой морфемы у этой группы глаголов указывает на использование в таком случае пассивного смысла. Однако отсутствие прямого дополнения у глагола с нулевой морфемой переходности указывает на его возвратное значение, т.е. на наличие среднего залога (например, креоль ток-писин).

Таким образом, сказанное выше дает нам возможность выделить две общие закономерности в развитии английского языка и англо-креолей, где сначала категория залога формировалась противопоставлением форм активного залога и медиального, а пассивный залог появился позже.

Список источников

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 293 с.
2. Андреева Е. Г. Сопоставительный анализ моделей глагольного управления в русском и английском языках: дисс. ... к. филол. н. Л., 1990. 175 с.
3. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1975. 155 с.
4. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М.: Наука, 1964. 294 с.
5. Долинина И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л.: Наука, 1989. 216 с.
6. Дьячков М. В. Креольские языки. М.: Наука, 1987. 108 с.
7. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Л.: ЛГУ, 1988. 311 с.
8. Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2009. 368 с.
9. Малова Н. С. Одноактантные конструкции, соотносительные с переходными конструкциями в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1997. 186 с.
10. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. – Л.: Наука, 1938. 511 с.
11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 298 с.
12. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 160 с.
13. Савченко А. Н. Категория среднего залога в индоевропейском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Л., 1960. 27 с.
14. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
15. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
16. Шубная Э. Г. Залоговое значение инактивных конструкций в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Л., 1973. 160 с.
17. Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 308 с.
18. Bowers J. S. Grammatical relations. N. Y. – L.: Garland, 1986. 156 p.
19. Grady M. The Medio-Passive Voice in Modern English // Word. 1965. Vol. 21. P. 270-272.
20. Halliday M. A. K. Notes on Transitivity & Theme in English // Journal of Linguistics. 1967. Vol. 3. P. 199-244; 1968. Vol. 4. Part 3. P. 179-215.
21. Huddleston R. D. The Sentence in Written English: A Syntactic Study Based on the Analysis of Scientific Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 356 p.
22. Hudson J. Grammatical and Semantic Aspects of Fitzroy Valley Kriol. Darwin: Summer Institute of Linguistics, Australian Aborigines Branch, 1985. 208 p.
23. Jespersen O. Essentials of English Grammar. L.: George Allen Unwin, Ltd., 1933. 387 p.
24. LaCharite D. Passive in Jamaican Creole: Phonetically Empty but Syntactically Active // Journal of Pidgin and Creole Languages. 1999. Vol. 14. № 2. P. 259-283.
25. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
26. Oosten J. Agent hood in English // Papers from the Thirteenth Regional Meeting. Chicago, Illinois: Chicago Linguistic Society, 1977. P. 459-471.
27. Poutsma H. Grammar of Late Modern English. Groningen: P. Noordhoff, 1926. 523 p.
28. Schibsbye K. A. Modern English Grammar. L.: Oxford University Press, 1970. 390 p.
29. Singh I. Pidgins and Creoles: An Introduction. L.: Arnold, 2000. 160 p.
30. Solomon D. The Speech of Trinidad: A Reference Grammar. St. Augustine: UWI, 1993. 215 p.

THE ENGLISH VERB VOICE AND ITS FATE IN THE ENGLISH PIDGINS AND CREOLES

Kindt Ol'ga Viktorovna, Ph. D. in Philology
Krylova Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
helgakindt@mail.ru; irenesmith@yandex.ru

The article considers various modern approaches to the interpretation of the category of verb voice in the English language and the transformation of this grammatical phenomenon in the source language in the process of the emergence and development of new contact languages by the example of the English pidgins and creoles. The analysis is conducted by the material of the creoles Krio, Tok Pisin, Kriol, the Trinidadian and Jamaican creoles. Basing on the study of the processes of forming a new grammatical system of creoles, the authors establish the tendency of the decay of the source language verbal paradigm, the complete rejection of the passive voice use and the similarity of the general structural process of languages development.

Key words and phrases: category of voice; linguistic synergetics; language-lexificator; pidgin; creole language; active construction; passive construction; medial construction.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 28.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.30>

В статье рассматривается процесс субъективизации читательской позиции в литературной коммуникации, то есть личностного принятия читателем авторского высказывания. Анализируются лексические и эмоционально-оценочные языковые средства ксенонарративных текстов – нарративов, погруженных в дискурс межкультурного взаимодействия, а также материал корпуса читательских рецензий. Результаты исследования свидетельствуют о разнице процесса субъективизации, понимания содержательных и эмоциональных интенций автора у читателей с разными национальными картинками мира.

Ключевые слова и фразы: стратегия субъективизации; ксенонарратив; литературный нарратив; дискурсивная обработка; межкультурная коммуникация; диалог «автор – читатель».

Микалаускайте Елизавета Юлипоновна
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
emikalauskayte@yandex.ru

**АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ СУБЪЕКТИВИЗАЦИИ ПОЗИЦИИ ЧИТАТЕЛЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КСЕНОНАРРАТИВА**

Для любого текста, в том числе литературного, характерны некоторые конститутивные признаки. Обязательное наличие автора-создателя и читателя-интерпретатора обуславливает коммуникативный характер текста. С этим связано все чаще употребляющееся понятие «литературная коммуникация» и использование коммуникативного подхода для лингвистических и литературоведческих исследований художественных произведений. По словам Н. Д. Арутюновой, «литературной коммуникации так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [1, с. 365].

Важным отличием литературной коммуникации от повседневной является временное и пространственное «расстояние» между адресатом и адресантом. Отсутствие прямого диалога, невозможность ответных реплик у читателя формируют специфические черты литературного коммуникативного акта. Как замечает Б. А. Успенский, «если при этом и имеет место диалог, то есть обмен текстами, то диалог этот может быть как угодно растянут во времени – настолько, что сами участники диалога претерпевают существенные изменения» [14, с. 109]. Это означает, что процесс читательской интерпретации произведения вариативен вплоть до извлечения противоположных смыслов текста и намерений автора. Субъект порождения текста, обладающий свободой выражения и временем, имеет возможность тщательно сформулировать коммуникативное намерение и полностью реализовать его в тексте, чтобы читательская интерпретация приблизилась к авторской концептуальной системе.

Особая коммуникативная структура характерна и для нарративных текстов, поскольку литературный нарратив включает несколько уровней коммуникации, или повествовательных уровней. На внутритекстовом уровне – это общение между персонажами, на внешнетекстовом – между абстрактным автором и идеальным читателем. Сложность нарративной коммуникативной структуры дополняется наличием реального автора – живого человека, личности с уникальным опытом, ценностями и мнениями. Поэтому дуалистичную систему коммуникации при изучении литературного нарратива необходимо расширить до треугольника: реальный автор – абстрактный автор (повествователь) – читатель. Чтобы изучать концептуальные, семантические, прагматические характеристики абстрактного автора, необходимо использовать лингвистический подход к анализу отдельного нарративного текста. Характеристики же реального автора будут связаны с реальной жизнью создателя произведения, его опытом, временем создания произведения [15].